

А.Г. Тепляков*

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ТРУД В СССР:
ФЕНОМЕНЫ МАРГИНАЛИЗАЦИИ И КРИМИНАЛИЗАЦИИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-4
УДК 351.746 "192"(093.3)*Выходные данные для цитирования:
Тепляков А.Г. Социальная справедливость и труд в СССР: феномены
маргинализации и криминализации // Исторический курьер. 2023. № 1 (27).
С. 50–64. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-04.pdf>*

A.G. Teplyakov*

**SOCIAL JUSTICE AND LABOR IN THE USSR:
THE PHENOMENA OF MARGINALIZATION
AND CRIMINALIZATION**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-4

*How to cite:
Teplyakov A.G. Social Justice and Labor in the USSR: The Phenomena
of Marginalization and Criminalization // Historical Courier, 2023, No. 1 (27),
pp. 50–64. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-04.pdf>]*

Abstract. The socialist system in the USSR demonstrates various practices of manipulating the principle of social justice, having come to a relatively stable socio-political system with signs of a paternalistic welfare state. The concrete practice of the USSR period provides a lot of historical material, allowing us to highlight the problems of marginalization and criminalization of workers as a circumstance that turned out to be particularly negative for maintaining the principles of social justice. The actual return of Russia under the Bolshevik regime to the estate model of building society has singled out privileged and discriminated segments of the population in society. Changes in the ratio of these strata directly depended on political and ideological changes within the Soviet state. The article examines the dynamics of changes in state policy towards citizens in order to manipulate them, as well as the formation of a hierarchy that assigns power to the Communist Party and its subordinate structures. As a result of the ideologically motivated influence of the state, labor relations immediately acquired a deformed character, responding to the needs of the ruling elite in the marginalization of a significant part of society. The marginality of Soviet society is an integral part and consequence of deep and conscious criminalization that has engulfed both the ruling class and a significant part of the population. Historical experience shows the successful elimination of the marginalization of Soviet society and the survivability of various criminal practices.

Keywords: Social justice, Communist Party, nomenclature, marginalization, criminalization, society.

*The article has been received by the editor on 30.11.2022.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

Аннотация. Социалистическая система в СССР демонстрирует различные практики манипулирования принципом социальной справедливости, придя к относительно устойчивой социально-политической системе с признаками патерналистского социального государства. Конкретная практика периода СССР дает большой исторический материал, позволяя особо выделить проблемы маргинализации и криминализации трудящихся как обстоятельство, которое оказалось особенно негативным для поддержания принципов социальной справедливости. Фактическое возвращение России при большевистской власти к сословной модели построения общества выделило в социуме привилегированные и дискри-

* **Алексей Георгиевич Тепляков**, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru
Aleksey Georgievich Teplyakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

минированные слои населения. Изменения в соотношении этих слоев прямо зависели от политических и идеологических изменений внутри советского государства. Статья рассматривает динамику изменений государственной политики в отношении граждан с целью манипулирования ими, а также выстраивание иерархии, закрепляющей властные полномочия за коммунистической партией и подчиненными ей структурами. В результате идеологически мотивированного воздействия государства трудовые отношения сразу приобрели деформированный характер, отвечая потребности правящей верхушки в маргинализации значительной части социума. Маргинальность советского общества – неотъемлемая сторона и следствие глубокой и сознательной криминализации, охватившей как правящий класс, так и значительную часть населения. Исторический опыт показывает успешное изживание маргинализации советского социума и живучесть разнообразных криминальных практик.

Ключевые слова: социальная справедливость, коммунистическая партия, номенклатура, маргинализация, криминализация, социум.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022 г.

Извечно желаемая массами социальная справедливость – одна из основных жертв всегдашней социальной демагогии. Даже в развитых правовых государствах элиты, клянясь принципом справедливости для всех, то и дело злоупотребляют властью или должностным положением ради дополнительных привилегий. Но если в обществе ликвидирована элементарная правовая справедливость, то в получившейся диктаторской и закрытой системе останутся только призраки обещаемых массам преференций. Социалистическая система, пройдя внушительный путь развития и пытаясь это делать на своей собственной основе, демонстрирует различные практики манипулирования принципом социальной справедливости, в итоге приходя к относительно устойчивой социально-политической системе с признаками патерналистского социального государства. В такой системе трудовые отношения также подвергаются деформациям и только официальной пропагандой признаются основанными на принципах социальной справедливости.

Проблематика социальной справедливости советской эпохи привлекала и привлекает в основном внимание социологов, экономистов, юристов и философов¹. Однако конкретная практика периода СССР дает большой исторический материал, в частности для особого выделения проблем маргинализации и криминализации трудящихся как того обстоятельства, которое оказалось особенно разрушительным для принципов социальной справедливости. Фактическое возвращение при большевиках к сословной модели построения общества диктовало необходимость выделения в нем более привилегированных частей. И изменения в соотношении этих привилегированных слоев и прослоек прямо зависели от политических и идеологических изменений внутри советского государства². Статья рассматривает динамику изменений государственной политики в отношении более и менее ценных для нее граждан с целью манипулирования ими, выстраивания иерархии, закрепляющей властные полномочия за партией и подчиненными ей структурами.

Большевистская революция, Гражданская война и последующие главные события советской истории, с одной стороны, тесно и неразрывно связаны с лозунгами социальной справедливости, особенно притягательными для масс, боровшихся против материального и правового угнетения. Идея социальной справедливости воодушевляла многих представи-

---

¹ Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 13–26; Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М., 1989.

² Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008; Илюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

телей активной части населения и с исключительной эффективностью была использована большевиками в ходе революции. Правда, с их стороны данный принцип сразу получил грубое искажение в виде реализации права угнетенных классов на социальный реванш, явное желание поменяться местами с привилегированными слоями населения. Конституции 1918 и 1924 гг. прямо заявляли о лишении политических прав всех бывших «эксплуататоров», что в реальности означало и отказ в праве работать в государственной экономике, и превращение «бывших людей» в приоритетную мишень для усилий карательно-репрессивных органов. Таким образом, часть социума обрекалась на нисходящую мобильность, что влекло к неизбежной маргинальности.

Ленинско-сталинский период прошел под лозунгом социальных чисток и дискриминаций с целью достижения классовой однородности и полной покорности общества. Принцип «Разделяй и властвуй» четко отразился не только в первых советских конституциях. Все советское законодательство изначально закладывалось с «двойным дном»: одно – официальное – для подавляющей массы населения, второе – предназначенное для партийно-советских функционеров и представителей «вооруженного отряда партии» в лице органов ВЧК-МГБ, что давало им широкие привилегии.

Государственный патернализм на основе постоянной общественной мобилизации подразумевает открыто провозглашаемый принцип манипулирования социумом, объясняемый необходимостью научного управления им. Реальное же управление обществом с целью его контроля и нужных для власти деформаций (прежде всего социальная, идейная, национальная и материальная однородность) осуществлялось большевиками с помощью множества мобилизационных практик, сочетавших вульгарный обман с изощренной демагогией о царстве справедливости и доходивших вплоть до использования голода, принуждения и террора. Обилие дискриминационных способов воздействия имело целью поддержание, по выражению того времени, «ярости масс», что позволяло наглядно делить целые слои на «чистых» и «нечистых», новую пролетарскую элиту и презренных «лишенцев».

В результате идеологически мотивированного воздействия государства трудовые отношения сразу приобрели деформированный характер, отвечая потребности правящей верхушки в маргинализации значительной части социума. Лица, признанные негодными для жизни в совершенном обществе нового, коммунистического типа, должны были быть дискриминированы и как-то использованы либо физически уничтожены. Лишенный собственности «маленький человек», идеально зависимый от государственного патернализма и насилия, рассматривался как идеальный гражданин, которому за лояльность полагались какие-либо льготы (либо просто избавление от дискриминации, которая доставалась менее лояльным и ценным). В лекции «Красное право и красный суд» нарком юстиции УССР А.И. Хмельницкий в 1922 г. провозглашал, что советское законодательство особо «...заботится о том, чтобы так называемая частная инициатива, даже проявляющаяся в недрах трудовых масс, была сведена на нет, чтобы она была заменена инициативой публичной. <...> Социалистическое государство, применяя труд тех или иных граждан, не вступает с ними в договор... государство выступает как орган власти, проводящий трудовую повинность граждан. Необходимо истребить самый дух частной инициативы, необходимо истребить дух самопомощи и заменить его принципом помощи сверху, принципом государственной помощи ...»³.

При этом ответственность правящего класса перед обществом фактически исключалась. Номенклатурные работники, вроде главы Саратовского губкома РКП(б) М.И. Васильева-Южина, выпускали брошюры с названиями «Лишние рты и коммунистический строй» (Саратов, 1918) либо, как С.И. Гусев, выступали в качестве равнодушных регистраторов социальных катастроф. Считающиеся относительно мягкими большевиками Л.Б. Каменев или М.П. Томский допускали оглушительные по цинизму заявления: «Мы не буржуазия, а социалистическая республика, и можем производить опыты, которых не в силах произ-

³ Рылов В.Ю. По ленинскому пути: к вопросу о становлении советской системы принудительного труда // Исторические записки. Воронеж, 2010. Вып. 14. С. 64–103.

водить ни одно государство»⁴ (Каменев, 1920); «Так как мы гениально грабили всю Россию для Красной армии, [то] приступим к такому же широкому грабежу всей России во имя улучшения интересов рабочего класса...» (Томский, 1920)⁵. Настоящие «специалисты» по маргинализации населения (вроде С.И. Гусева) могли в своих брошюрах оправдывать разруху городского хозяйства необходимостью победить белых: «Но не тонуть же в нечистотах, не вымирать же от эпидемий? – скажут мне. А почему бы и нет! Отчасти тонуть, отчасти вымирать...»⁶. Любые провалы и массовые репрессии интересовали власть только с точки зрения ее возможной дискредитации, сочувствия к жертвам в ее документах совершенно незаметно, поскольку это всегда лишь абстрактные «трудящиеся массы», «трудовые советские люди», «человеческие ресурсы» и просто «рабсила».

Политика «военного коммунизма», включавшая милитаризацию труда и классово дифференцированную пайковую систему, привела к деклассированию и пролетариата, и служащих, и значительной части крестьянства. «Передовой пролетариат» должен был в благодарность за «раскрепощение» работать в условиях трудовой повинности. Голодный паек, неэффективность новой администрации, террористические методы принуждения привели к массовому исходу рабочего класса в деревню. Другая часть была мобилизована в РККА и продотряды, влилась в ряды мешочников, пополнила криминальную среду. Среди интеллигенции, помимо эмигрантов, потеряли статус юристы, историки, преподаватели иностранных языков, независимые журналисты, которые не были отнесены властями к тем «спецам», чей труд признавался необходимым. Огромный процент студентов был вычищен в 1920-е гг. из вузов за неподходящее происхождение, что маргинализировало часть выходцев из интеллигенции.

Большевики раздавали и убирали привилегии в соответствии с политическими потребностями в тех или иных специалистах. Так, в годы Гражданской войны военнопленные, особенно мадьяры, поляки, немцы и австрийцы, массово становились кондотьерами в Красной гвардии, РККА и ВЧК, делали яркие партийно-советские, военные, судебно-прокурорские и чекистско-милицейские карьеры. То же относилось к деятелям Коминтерна. Однако впоследствии иностранцы, как с советским гражданством, так и без такового, были признаны потенциально нелояльными, истреблены или изгнаны, к концу 1930-х гг. практически полностью потеряв какое-либо номенклатурное значение. Среди силовиков особую роль играли служившие в РККА и органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. У военных был высокий статус красных воинов, будущих героев битв мировой революции. А вот чекисты имели сверхстатус и считали это совершенно справедливым, расценивая себя как «передовой вооруженный отряд партии». Внутри самих карательных органов отдельно достаточно высокое положение имели даже лица вспомогательного состава: коменданты – исполнители смертных приговоров, массово получавшие ордена за выполнение «особых заданий правительства» и нередко попадавшие после завершения чекистской карьеры в номенклатуру среднего уровня, и тюремные надзиратели, в 1937 г. бывало щеголявшие в шинелях расстрелянного генералитета. Характерно, что строительство огромных номенклатурных дач для партийно-советского начальства с начала 1930-х гг. сочеталось с возведением комфортабельных многоквартирных домов для сотрудников ОГПУ, а в годы Большого террора дачи массово стали строиться и для сотрудников НКВД, причем нередко на месте расстрельных полигонов.

В обществе после катастрофической Гражданской войны были заметны не только миллионы безработных, инвалидов и психически неполноценных граждан, не только 7,5 млн беспризорников, но и сотни тысяч военных и гражданских функционеров эпохи «военного коммунизма», выброшенных с руководящих позиций из-за десятикратного уменьшения армии, почти пятикратного уменьшения чекистской численности (причем нередко за счет

⁴ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. М., 1997. С. 240.

⁵ Борисова Л.В. «Принудительная ускоренная самоорганизация рабочего класса»: дискуссия о принципах организации труда в Советской России в 1920 г. // Вестник РУДН. 2010. № 3. С. 46.

⁶ Наше Отечество. Ч. II. М., 1991. С. 81–82.

руководящих представителей «искореняющей» профессии, привыкших к неограниченной власти), недоверия власти к бывшим красным партизанам, а также хозрасчета, поставившего крест на множестве убыточных учреждений и предприятий, безжалостно закрытых в нэповское время. Эти люди остро переживали потерю привилегий и необходимость заниматься менее престижным трудом, включая физический. Наличие небольшой, но бросавшейся в глаза прослойки временных хозяев жизни – нэпманов – способствовало обострению социальных противоречий, опять-таки использованных властью для натравливания одной части общества на другую, якобы «нетрудовую».

Дальнейшая государственная политика где-то пыталась выправлять самые явные перекосы, но с эпохой «великого перелома» смогла окончательно переделать общество под свои потребности, лишив его и настоящего крестьянина-собственника, и свободного распоряжаться своей рабочей силой пролетария, и независимо мыслящего интеллигента. Элита стала антиэлитой, воспроизводя бюрократическое однообразие, утопические представления о путях развития страны и рабскую готовность к любому извику политики верхов, включая даже частичное самоистребление, как в 1937–1938 гг. В этих условиях важным новым регулятором трудовых отношений выступал политический донос, особенно актуальный в силовой, творческой и номенклатурной среде, где на смену старым специалистам либо оказавшимся в немилости функционерам приходили малограмотные выдвигенцы из низших слоев общества. Отмечено, что для тоталитаризма характерна фактическая приватизация государства путем доносов и манипуляций биографией, что было доступной, хотя и рискованной практикой для любого гражданина⁷. Это способствовало закреплению во власти вышедших из низов «специалистов ни по чему», т.е. грубых и необразованных администраторов, проявляющих принуждение по любому поводу, понимающих донос как один из необходимых элементов клановых взаимоотношений, а также инструмент возвышения в случае, когда верно угадывается текущая либо грядущая конъюнктура.

Маргинализация в сочетании с определенными привилегиями для «класса-гегемона» и других значимых для номенклатуры слоев сохранила привычный для «разрытого до основания» старого мира институт прислуги, казалось бы, отмененный социальным переворотом. По переписи 1897 г., в России было более 2 млн слуг. В 1923 г. в городах европейской России проживало 220 тыс. представителей прислуги, из которых 63 % были женщинами. Среди городского населения прислуга составляла 4,4 %, в Москве – 7,8 %⁸. В 1929 г. в СССР было 527 тыс., а в 1939 г. – 535 тыс. домработниц, но эти данные считаются сильно заниженными. Профсоюзная статистика от 1934 г. утверждает, что более двух третей нанимателей составляли служащие, а еще около четверти – рабочие. Таким образом, в довоенный период наличие домработниц в советских семьях было очень распространенным явлением городской жизни⁹. Несмотря на свои невысокие зарплаты, горожане могли себе позволить держать прислугу, согласную на символическое жалованье в обмен на городскую прописку и возможность легально жить в благоустроенном жилье.

Возможность даже представителям рабочего класса в 1930-е гг. массово содержать прислугу была противоречивым феноменом, вытекавшим из колоссального разорения деревни и неразвитости социальных услуг в крупнейших городах. Хотя лозунг освобождения пролетариата от любой эксплуатации абсолютно противоречил использованию прислуги, но власти, сами не в силах обходиться без слуг, не только легализовали их в качестве «домашних работниц», но и создали для них профсоюзные организации. Официальная пропаганда представляла труд прислуги как социальный лифт, позволяющий в дальнейшем получить образование и более престижную работу. Точнее будет сказать, что оседание в семьях в качестве домработниц было спасением для голодавших колхозниц, легально обре-

⁷ Alexopoulos G. Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power Culture, and the Limits of Legal Order*. New York, 1997. P. 168–189.

⁸ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1998. С. 51, 62, 70.

⁹ Клоц А.Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. С. 17, 20.

тавших городскую прописку и своей крохотной зарплатой нередко выручавшей и деревенскую родню.

Как отмечают современные авторы, в 1930–1940-х гг. советская маргинальность приобрела системный и устойчиво застойный характер. По сути, основная часть населения находилась в полумаргинальном положении¹⁰, довольно легко – благодаря постоянным политическим извигам и настоящим социальным катастрофам – теряя те немногие экономические и правовые опоры, которые у нее еще оставались. Отметим, что некоторой компенсацией для ограбленных и униженных колхозников-крепостных был 15-кратный рост на продукты питания, зафиксированный на рынках с 1941 по 1943 г. Это привело к появлению маленькой прослойки богатых крестьян, торговавших с громадными наценками, к примеру, медом личных пасек, и затем откупавшихся от налогового внимания государства самолетами и танками, приобретаемыми за свой счет для фронта. Все же подходы к трудовым отношениям со временем менялись, с разной степенью эффективности применялись стимулы для дополнительных производственных свершений, вплоть до относительно успешных попыток героизации труда. А с ростом экономики все больше внимания уделялось материальным стимулам, что позволяло развивать сырьевые труднодоступные регионы, привлекая туда работников с помощью высоких зарплат – компенсацией за бытовые лишения и тяжелые условия труда. Официально поощряемые студенческие стройотряды и неформальные кочевые бригады строителей-шабашников, разрешение частной врачебной и юридической практики, высокие гонорары для творческой интеллигенции позволяли иметь крупные заработки заметному числу работников. Разница официальных минимальных и максимальных зарплат была примерно десятикратной, но в реальности многие шахтеры, золотодобытчики, «шабашники», таксисты, разъездные фотографы, популярные музыкальные исполнители, актеры, писатели и другие имели доходы гораздо выше тех, которые официально считались максимальными.

Все провозглашенные для трудящихся права воплощались в советский период частично либо просто отсутствовали, несмотря на постепенную эволюцию государства к более мягким формам управления. Но трудовые конфликты решались в пользу администрации, и только в послесталинский период не такие уж редкие забастовки обычно позволяли рабочим добиваться исправления наиболее вопиющих недостатков. Очень слабой была охрана труда – и считалось вполне справедливым возмещать работникам вредных производств потерянное здоровье льготами, включая досрочный выход на пенсию. Характерно, что до самого краха СССР самый тяжелый труд нередко доставался женщинам. Но также необходимо отметить, что существенной чертой манипулирования вкладом в общественный котел был процесс постоянного расширения привилегированных контингентов. Новые возможности, открывавшиеся после прекращения террора, резкое повышение уровня жизни и расширение контактов с внешним миром обеспечивали многим активным гражданам невидимые государством доходы.

Всякий труд объявлялся пропагандой одинаково важным для общества, но это было лицемерием. Имелись особо важные занятия, особенно при наличии партийного билета, и, соответственно, менее важные. Труд рабочих считался серьезнее труда и крестьян, и интеллигентов. Но многие люди, лицемерно принимая эту идеологию, считали умственный труд почетнее и стремились к «чистой работе». Экстенсивная плановая экономика, требовавшая увеличения валовых показателей, опиралась на труд прежде всего рабочего класса, квалифицированные и даже неквалифицированные представители которого теперь зарабатывали зачастую гораздо больше, чем служащие, врачи, преподаватели, научные и творческие работники. Так, в позднесоветский период дефицит трудовых ресурсов порождал уродливые формы реагирования на него в виде сохранения на рабочих местах пьяниц и бракоделов, высокую оплату самого неквалифицированного труда в ущерб сложным видам деятельности.

Принцип разрыва между словом и делом рождал многочисленные симулякры: «социалистическая законность» не мешала массовому террору, репрессиям и дискриминациям;

¹⁰ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004. С. 4, 5.

право на жилье – оставлению на улице выпускников многочисленных детдомов и отбывших наказание заключенных; право на труд – запрету на профессии для определенных слоев и даже наций (евреи и немцы не могли поступить во многие престижные вузы, работать в определенных сферах государственного управления даже в позднесоветский период); женская безработица всегда ощущалась как в республиках Кавказа и Средней Азии, так и в семьях офицеров Советской армии. Образование в старших классах средней школы и вузах с 1940 г. в течение полутора десятилетий было платным; для колхозников и многих категорий рабочих отсутствовала свобода передвижения; женщины, лишенные на два десятилетия права на аборт (с 1936 г.), зачастую не могли реализовать себя в трудовой сфере. Пренебрежение правами социально ущемленных слоев было таким устойчивым, что даже в 1980-х гг. пенсия инвалиду детства (20 руб.) была в три с половиной раза меньше минимальной зарплаты (70 руб.), а трудящиеся имели отпуск всего в 15 рабочих дней. Маргинализация постепенно переставала быть такой массовой, как в первые десятилетия существования СССР, оставаясь актуальной для спившихся личностей, ведущих асоциальный образ жизни, криминалитета, нищих бродяг из бывших заключенных, некоторых нацменьшинств (цыган), детдомовцев, инвалидов и пр. Эти категории либо продолжали испытывать дискриминацию со стороны государства (сектанты, диссиденты), либо не замечались им.

Каиновой печатью советского социализма было его криминальное происхождение. Если маргинализация игнорирует и извращает социальную справедливость, то криминализация ее просто взрывает, уродуя весь социум. Криминал лишает жизни, имущества, чести, надежд на лучшее. Размах криминала опирается на маргинализацию и одновременно поощряет ее, легко превращая самую радикальную часть маргиналов в уголовников. Политик, одержимый идеей фикс, не разбирает путей. Отсюда манипулирование, ложь и избыточное насилие как принцип действий. Криминальное насилие запугивает общество, привлекая на верхние позиции его неустойчивую и худшую часть. Идеиная уголовщина коммунистов базировалась на маскируемом демагогией о народном государстве бюрократическом произволе, выступавшем в качестве цели и результата достижения диктаторской власти.

Маргинальность советского общества – неотъемлемая сторона и следствие глубокой привнесенной криминализации, которая, с одной стороны, преследовалась правоохранительной системой коммунистов с целью удержания в узде, а с другой, внедрялась конкретными политическими решениями, обусловленными особой политической культурой тогдашних радикальных социалистов, причем не только большевиков. Еще впитавший гегелевскую идею об «исторических» и «неисторических» народах Ф. Энгельс в начале 1849 г. уверял, подразумевая в основном славян: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом»¹¹. Современник отмечал, что эсер-максималист М.А. Энгельгардт был сторонником массового красного террора, и в своих статьях периода первой русской революции «даже высчитал, что для укрепления социалистического строя в России необходимо уничтожить не менее двенадцати миллионов контрреволюционеров, к которым он причислял кулаков и почти всех казаков, не говоря уже о помещиках, банкирах, фабрикантах и попах»¹².

В начале XX в. появился новый тип террориста – идейного разбойника, легко применяющего откровенный криминал в своей революционной работе¹³. Отсюда оставался легкий шаг к криминалу во имя личных выгод под прикрытием идейности, особенно когда революция победила и произошла полная смена элиты и характера социальных лифтов, а коммунисты получили известный иммунитет от уголовного преследования, обычно невозможного без согласия партийных комитетов. Современная точка зрения на революционное подполье гласит, что оно «было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специ-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. М., 1957. С. 186.

¹² Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 407.

¹³ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 15–19.

фические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров»¹⁴. Эти интересы требовали активно использовать и криминал.

Освобождение социума от моральных запретов было важной задачей большевистских вождей. Интеллектуал А.А. Богданов провозглашал: «Кричат... против экспроприаторов, грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова»¹⁵. Не только И.В. Сталин и Л.Б. Красин были столпами экспроприаций. Будущий глава ВЦИК Я.М. Свердлов весной 1906 г. в Перми лично организовал две оказавшиеся безуспешными попытки ограбления сборщиков винной монополии, когда были убиты сборщик и ямщик, а один из грабителей застрелен¹⁶. После достижения власти моральные принципы еще больше стали определяться где целесообразностью, где произволом, а где просто бесстыдством: Ленин жил в богатом загородном особняке и получал одежду из конфиската от Московской ЧК; голодный период Гражданской войны остался в памяти Троцкого и прочих начальствующих большевиков с привкусом надоевшей красной икры.

Революции 1917 г. были в сильной степени криминальными: освобожденная народная стихия выражала себя и в скачке профессиональной преступности, и в массовых грабежах государственного и личного имущества. Особенно в этом преуспели миллионные массы демобилизованных из армии и дезертиров. Опаснейшим элементом революционной и пореволюционной жизни стали массовые самосуды. Известнейший литературный критик писал, что революционерам было необходимо «иметь силу и смелость дать простор звериному в человеке, где это необходимо, и, где необходимо, сковать сталью и железом...»¹⁷. Совершенно логичным образом многие термины с помощью дискурсивных ухищрений теряли в глазах победителей криминальный оттенок. Грабеж именовался экспроприацией, казнь – высшей мерой социальной защиты, уголовник – «социально близким», массовые убийства – ликвидациями и чистками. Заповедь «не укради» предлагалось заменить «этической формулой» Ленина: «Грабь награбленное», ибо кража «на пользу трудящимся» и по приказу «власти трудящихся» не является преступлением¹⁸.

Большевики как никто, если говорить словами О. Мандельштама, «считали пульс толпы и верили толпе». Они оседлали анархическую стихию разбуженной черни и, хотя сами нередко страдали от ее необузданности, постепенно все более уверенно растравляли и направляли эту разрушительную мощь против бесчисленных врагов своего режима. Для повальной криминализации властных отношений существовал целый ряд благоприятных условий: готовность власти и значительной части общества к применению насилия; постоянные государственный террор и властный произвол; огромный размах военных действий долгой Гражданской войны, когда законы фактически отменялись, наличие чрезвычайных внесудебных органов, контроль над которыми зачастую был символическим. На все это накладывались пренебрежение профессиональными и моральными качествами носителей власти, от которых требовалась прежде всего политическая лояльность, возможность для криминальных элементов не только временно попадать в состав элиты, но и продвигаться в ней, а также общий резкий упадок морали.

Принцип Г.В. Плеханова эпохи первой русской революции «врозь идти, вместе бить» распространился и на покровительственное отношение к уголовному миру, представителей которого пытались использовать и в подполье, и на фронтах, как в Одессе при организации целого бандитского полка во главе с пресловутым Мишкой Япончиком. Возглавлявшая весной 1919 г. Бердянскую уездную ЧК Екатеринославской губернии левая эсерка Н.И. Введенская с симпатией писала об уголовниках-анархистах, к чьей помощи широко прибегало большевистско-эсеровское подполье, и называла лицемерием позднейшую борьбу

¹⁴ Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 118–119.

¹⁵ Гейфман А. Революционный террор в России... С. 216.

¹⁶ Глухих И. Три встречи (Воспоминания о т. Свердлове) // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1: Дни неоконченной борьбы. С. 105–106.

¹⁷ Воронский А. Литературные силуэты // Красная новь. 1922. № 5. С. 256, 257.

¹⁸ Залкинд А. Революция и молодежь. М., 1926. С. 53.

чекистов с уголовниками – бывшими союзниками: «...У них было оружие, они были ловки и смелы и могли выполнить любое поручение комитета... <...> Ведь знала же я, наши политические – кровь от крови и плоть от плоти уголовных. Кто же шел в подполье бесстрашно на все – на экссы и убийства, как не эти же уголовные, под влиянием нашей агитации они только меняли цель своего ремесла»¹⁹. На Дальнем Востоке России красные силовые и партизанские структуры в 1919–1922 гг. достаточно эффективно использовали потенциал зарубежной уголовщины в лице хунхузских шаек, признавая их за революционную силу. Оставшиеся в Приморье две сотни корейских красных партизан в начале 1920-х гг. в селе Шкотово организовали на целине свою коммуны, не скрывая, что в ходе партизанщины разжились крупной суммой в иенах и серебряных юанях и что «кроме этих главных ценностей, было много одежды, тканей, швейных машин»²⁰.

Грабежи РККА и красной партизанщины (особенно в Дальневосточной Республике, где в течение буквально нескольких месяцев бесследно исчезло огромное трофейное имущество разбитой армии атамана Г.М. Семенова, с санкции Амурского обкома РКП(б) миллионами печатались фальшивые китайские банкноты, а десятки тонн золота испарились, оставив невразумительные расписки в советском банке и личные счета местной номенклатуры – в китайском²¹), оголтелое взимание продразверстки продовольственными отрядами и красный террор дополнялись еще таким насильственным феноменом, как красный бандитизм, – стихийным политическим разбоем низовых властей, которые с ведома руководящих работников грабили и убивали тех представителей свергнутых классов, кто после Гражданской войны был амнистирован либо вернулся в родные места будучи беженцем. Подобные расправы, весьма частые в течение всех 1920-х гг., их исполнителями считались воплощением справедливости, понимаемой в качестве мести «эксплуататорам».

Рожденный Гражданской войной принцип милитаризации труда в итоге породил идею внедрения принудительного труда для всех противников режима. Достаточно быстро сформировалась целая подсистема принудительного труда из ГУЛАГа, крестьянской и национальной ссылки, сыгравшая как огромную роль в деформации советского общества, так и в прямом уничтожении миллионов заключенных и ссыльных. При этом в лагерях основная тяжесть и без того невыносимого труда падала на рядовых заключенных («мужиков» и «казаров») при руководящей и паразитической роли блатных. Однако, помимо лагерей, делает вывод А.К. Соколов, было немало сфер жизни, где применялись методы именно принуждения к труду: в колхозах, совхозах, на стройках, заводах и фабриках, в армии, в советских учреждениях. Более того, имело место взаимопроникновение вольнонаемного и принудительного труда, когда заключенные («спецконтингент») трудились на гражданских объектах, и наоборот, формально свободные граждане вынуждены были работать на гулаговских стройках и предприятиях. Неразрывно было связано принуждение и с утверждением сталинской планово-распределительной системы. Плановая подготовка и распределение рабочей силы, мобилизации, оргнабор, распределение и снабжение продуктами, общественные призывы неразрывно связаны с принуждением, хотя последнее может выступать здесь формально как добровольное, а по сути – принудительное²².

Очевидно, что система принуждения к труду также была отрицанием принципа социальной справедливости. Часть ее элементов, от сравнительно мягких до уголовного преследования за тунеядство, сохранялась до самого конца советской эпохи. Все трудовые отношения в сталинском СССР прямо атакывались отрицательными феноменами, порожденными социальным переворотом и его следствиями. Большевики, принципиально

¹⁹ Ермоленко Т.Ф., Морозова О.М. Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. М., 2013. С. 265, 266.

²⁰ За советский Дальний Восток. Владивосток, 1989. Вып. 4: Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке. С. 204–205.

²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп 1. Д. 105. Л. 3–3 об.; Земцов В.С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М., 2017. С. 90, 95, 210.

²² Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 20.

отрицая устойчивость элементарных правовых норм, внедрили, по сути, принцип «плавающей» криминализации. Это означало постоянную смену правил игры на юридическом поле из-за чисто потребительского отношения к законности. «Плавающая» криминализация как отличительный принцип сталинского режима особенно резко проявлялась в периоды обострения репрессий. В эти периоды люди отправлялись на смерть или получали большие сроки заключения за проступки, действия или поведение, которые раньше не подлежали уголовному наказанию или карались сравнительно мягко (хищения колхозного имущества, невозвращенчество из-за границы, проживание без документов, проституция, гомосексуальные отношения, аборт, нарушения трудовой дисциплины и т.д.). А в периоды борьбы с перегибами сами сотрудники карательных органов и частично партийно-советские работники подвергались осуждению не только за эксцессы, но и за вполне рутинные, с точки зрения акторов террора, следственные действия²³.

И здесь примером можно привести не только довольно значительное количество описанных историками суровых приговоров в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в отношении чекистов-«перегибщиков», но и, например, кампанию по восстановлению справедливости в отношении деревенского актива. Избыточность репрессивной практики была отмечена самими властями не только применительно к внесудебным инстанциям – «тройкам» и «двойкам» периода Большого террора. Устоявшаяся в середине 1930-х гг. судебная практика в виде массовых уголовных наказаний за налоговые недоимки и плохую работу в сельском хозяйстве тоже была осознана как вредная. Так, власти Новосибирской области в апреле 1938 г. жестко раскритиковали облпрокуратуру, в которой практически без движения лежали предназначенные к пересмотру дела 24 895 человек, осужденных в 1934–1937 гг. на небольшие сроки заключения – представителей «совхозно-колхозного низового актива» заодно с рядовыми колхозниками. Партийно-государственные верхи, вероятно озабоченные проблемой получения поддержки масс в разгар террора, притом на фоне существенного ухудшения продовольственного снабжения, велели пересмотреть грубо сфабрикованные во время мобилизационных «хозяйственно-политических кампаний» дела. Но прокуроры к весне 1938 г. прекратили дела только на 439 человек, что вызвало требования к ним резко ускорить фактическую реабилитацию пострадавших жителей деревни²⁴. Этот факт дополняет историю самой масштабной советской чистки, подтверждая мнение О.В. Хлевнюка о волнообразности коммунистического террора²⁵, когда после окончания Большого террора власти криминализировали опоздания и прогулы, репрессировав с 1940 по 1956 г. порядка 18 млн человек²⁶, из которых примерно пятая часть прошла через лагерь ГУЛАГа.

Такая «плавающая» криминализация была дополнена и «плавающей» ответственностью за уголовные преступления, которая принципиально зависела как от статуса виновного, так и текущей политической конъюнктуры. Например, упор на борьбу с политической нелояльностью привел к многолетнему ослаблению борьбы с уголовной преступностью. И это при том, что милиция из-за крайнего непрофессионализма и коррупционного разложения была не в состоянии бороться с организованной преступностью и бандитизмом, так что значительную часть этой борьбы, равно как и с должностными преступлениями номенклатуры и экономическими правонарушениями, брали на себя чекисты. Между тем суды зачастую выносили даже за тяжкие преступления против личности наказания, не связанные с лишением свободы. На первом месте было наказание по «политической» ст. 58 УК РСФСР; в 1930 г. в результате такой политики и оказываемого давления на суды 20 % убийц, 31 % насильников, 46 % грабителей и 70 % воров были осуждены к принудительным работам без

²³ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей. М., 2017. С. 349.

²⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 239. Л. 45.

²⁵ Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 71–80.

²⁶ Мамяченков В.Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х – начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. Вып. № 4. С. 173.

содержания под стражей, в то время как осужденные по политическим статьям направлялись в места заключения с более строгим режимом²⁷.

Фактический судебный иммунитет номенклатуры был особенно значим в годы правового произвола и огромной криминализации. Высокая коррумпированность, непрофессионализм милиции и тюремно-лагерной системы приводили к тому, что значительная часть преступников откупалась от преследования и продолжала заниматься уголовным промыслом. С другой стороны, в условиях всевластия высшей номенклатуры многие сфабрикованные дела прекращались по инициативе крупного начальства, которое считало необходимым заступаться и брать на поруки прежде всего видных специалистов и их родственников, арестованных чекистами. Так, высокое должностное положение превращало практически всех видных вождей в адвокатов, способных повлиять на органы ВЧК-НКВД, которые часто были вынуждены соглашаться отпустить тех или иных арестованных или назначить им более мягкое наказание.

Специфической сферой труда была тайная работа на ВЧК-НКВД. Коммунисты внушали, что конспиративная работа на «органы» является важной частью партийных обязанностей. Заведующий пресс-бюро Агитпропа ЦК РКП (б) С.Б. Ингулов в 1924 г. в статье «Партии отдайся весь!» писал, что всякая работа – наркома, красноармейца, «агента ли ГПУ» – одинакова почетна и полезна для партии²⁸. При этом отношение к сексоту было у чекистов чисто потребительским: если он был расшифрован и терял ценность, то его легко делали руководителем сфабрикованной «заговорщицкой организации» и расстреливали, обрубая концы очередного провокационного дела. О репрессивной работе «органов» известно многое, но масштабы провокационной работы еще предстоит оценить. Подозрительное отношение работников карательных органов к национальным кадрам демонстрирует письмо видного казахстанского чекиста Ф.А. Иванова от сентября 1926 г., адресованное партийным лидерам республики Ф. Голощекину и С. Садвокасову и говорящее о широкой и многолетней провокационной работе ОГПУ в отношении казахской номенклатуры: «По линии ГПУ первоочередной операционной работой является собирание ложных материалов на казахских ответработников. Мы практикуем различные способы, специально нанимаем уголовных элементов из казахов или арестовываем конокрадов для получения ложных свидетельских показаний на казахских ответработников, нарочно создаем группировки из казахских влиятельных родоначальников... чтобы побеждать и парализовать казахских работников, искусственно натравливаем одних работников на других, сваливая “вину” с одного на другого и т.д. В силу нашей политики... по линии ГПУ ежегодно десятками убиваем казахских бедняков, чтобы изолировать бедноту и середняков от казахских работников, и если не мы убиваем их непосредственно, то действуем через русских хулиганов. В настоящем году, как и прежде, используем... [агентов] против ответработников, занимающих видные посты, под видом конокрадства, обвиняя последних перед русским населением в руководстве конокрадством; конечно, если кто [подобное] заметит, то сваливаем [тогда] все на русских кулаков, атаманов, казахских родоначальников, фактически в условиях Казахстана приходится ими руководить и использовать против казахских ответработников, т.к. у нас немало русских кулаков и казахских родоначальников, которые, служа агентами, получают огромные деньги и дают солидные материалы на казахских работников. <...> Кроме того, я категорически заявляю, что все вышеизложенное... мною лично практиковалось в мою бытность уполномоченным в Лепсинском уезде и в Джаркендском уезде ныне, поэтому, сомневаясь в правильности этой практики и тактики, прошу Вашего личного совета...»²⁹.

Теневая экономика, с одной стороны, обеспечивала привилегии, по слову Ф. Искандера, «допущенным к столу». С другой стороны, она давала возможности приобрести, пусть и по повышенной цене, остродефицитные товары и услуги. Тяжелые последствия для

²⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник. М., 1999. С. 18.

²⁸ Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999. С. 63.

²⁹ Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. С. 316–317.

граждан создавала коррумпированная система торговли, нормированного снабжения, милиции, всю Великую Отечественную войну игнорировавшую торговлю карточками на рынках. В результате в Нижнем Тагиле, где основная часть работников относилась к привилегированным рабочим оборонных заводов, в 1944 г. 38,2 % умерших значились с диагнозом «авитаминозы и дистрофия». Даже право трудящегося человека на достойные похороны могло отрицаться: в 200-тысячном Магнитогорске в начале 1930-х гг. довольно долго отсутствовало кладбище и все умершие захоранивались в братских могилах³⁰. Частым было и уничтожение достаточно новых захоронений с демонстративной утилизацией памятников, нередким разграблением и самих могил (в Сибири в 1930 г. в поисках золота и серебра разрывали и старые, и свежие могилы священников, чтобы забрать кресты и одежду³¹), или с разрушением в 1932 г. гробницы генерала П. Багратиона на Бородинском поле.

В послесталинский период очевиден размах теневой экономики, преимущественно в сфере услуг. На фоне уравнительного распределения и снабжения выделялись обладатели довольно многочисленных востребованных профессий, чьи тайные заработки позволяли им вести гораздо более материально подкрепленный образ жизни – мясники, таксисты (выгодно продававшие по ночам алкоголь), автослесари, штукатуры-маляры, портные, фотографы и т.д. Помимо торгово-снабженческих работников, обслуживавших всевозможное начальство и «нужных людей», в сфере нелегальной торговли подвизались многочисленные спекулянты дефицитом, нелегально связанные как с магазинами, так и с приезжими иностранцами. Спекулянты валютой и валютные проститутки зарабатывали нередко очень большие средства. Вместе с тем обычные люди, опираясь на ресурсы как официального сервиса, так и черного рынка, могли за доступные для них суммы лечиться у платного врача или найти детям репетитора, пошить модную одежду, отремонтировать бытовую технику и автомобили, обеспечить строительство дачного дома или ремонт квартиры, найти варианты обмена жилплощади. Государство, оставляя на крайне низком уровне многие пенсии и пособия, активно боролось со спекуляцией, что вызывало одобрение основной части общества, дорожившего идеей жизни в справедливо устроенном мире развитого социализма.

Принципы презумпции виновности, судебного иммунитета для коммунистов, избыточная репрессивность, плавающая криминализация, общий правовой нигилизм – эти архаические правовые конструкты навязывали сословно-зависимый и внеправовой облик всему обществу. В СССР мы видим государственную инструментализацию принципа социальной справедливости, превращение его из благородной цели доступности материальных и социальных благ для всех просто в средство достижения частного государственного интереса. Вынужденная следовать за извращениями политики партии социальная справедливость очень часто фактически отрицалась. Особенно этому способствовало принуждение к труду для всех категорий граждан на основе его милитаризации и организации огромной и многолетней подсистемы принудительного труда. Для пролетариата это означало прикрепление к предприятию и зависимость от администрации, для сельских жителей – репрессивное раскрестьянивание, для интеллигенции – обязанность обслуживать идеологические потребности государства при запугивании ее безработицей, лагерем/ссылкой и тюремной «шарашкой», принуждением голосовать за разоблачения и расстрелы, читать и писать только разрешенные книги, подвергаться поношению («гнилая интеллигенция» и т.п.) за невосторженный образ мыслей.

Массовая маргинализация делала неустойчивым все общество, в котором десятилетиями люди недоедали (а десятки тысяч во время голодоморов спаслись страшной ценой, питаясь трупами умерших родственников), жили в коммуналках, бараках и землянках, лишались работы по политическим обвинениям, существовали в условиях тяжелого физического труда и скверной экологии, причем не смели заявить о своих правах под угрозой тяжких репрессий. И если маргинализация в период позднего социализма очень сильно сократилась, то феномен массовой криминализации оказался очень живучим, поскольку закрепился во

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 367. Л. 65 об.

³¹ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 144. Л. 85 об.; Ф. П-175. Оп. 1. Д. 69. Л. 159–161.

всех слоях населения. Вседозволенность чиновников часто превращала их в жестоких преступников, но и многие слои общества тоже криминализировались, нередко только чтобы выжить. Компенсируя низкие зарплаты, трудящиеся «приватизировали» на рабочих местах все что могли, так что в последние советские десятилетия лиц, таскавших с производства нужные в хозяйстве вещи, именовали максимально корректно – не ворами, а несуннами. Правовой нигилизм сочетался с желанием компенсировать неполученное от государства, что делало хищения в глазах многих советских людей допустимым методом получения недоданного. И до сих пор россияне недолюбливают маргинальную часть населения, но к криминалитету относятся сравнительно лояльно. Маргинализация и криминализации по-советски сформировали очень деформированный социум, неспособный эффективно защищать свои права и по-прежнему относящийся к власти с недоверием и страхом. Вместе с тем те слои, кто отрицал социальную справедливость по-советски, смогли вписаться в рыночные условия, но придав им черты, не говорившие о цивилизованности и социальной ответственности.

Литература

Борисова Л.В. «Принудительная ускоренная самоорганизация рабочего класса»: дискуссия о принципах организации труда в Советской России в 1920 г. // Вестник РУДН. 2010. № 3. С. 41–53.

Воронский А. Литературные силуэты // Красная новь. 1922. № 5. С. 254–275.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.

Глухих И. Три встречи (Воспоминания о т. Свердлове) // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1: Дни неоконченной борьбы. С. 104–107.

Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М.: Политиздат, 1989. 255 с.

Ермоленко Т.Ф., Морозова О.М. Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. М., 2013. 357 с.

Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1998. 175 с.

За советский Дальний Восток. Владивосток, 1989. Вып. 4: Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке / науч. ред. Б.И. Мухачев. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 428 с.

Залкинд А. Революция и молодежь. М.: Издание Коммунистич. ун-та им. Свердлова, 1926. 140 с.

Земцов В.С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М.: Граница, 2017. 445 с.

Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 13–26.

Ильюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.

Клоц А.Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. 27 с.

Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. 448 с.

Мамяченков В.Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х – начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. Вып. № 4. С. 168–187.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / сост. С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, М.С. Саламатова и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. 762 с.

Наше Отечество. Ч. II / сост. С.В. Кулешов, О.В. Волобуев и др. М.: Терра, 1991. 620 с.

Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск: НГАВТ, 1999. 138 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1997. 270 с.

Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.: Земля и фабрика, 1929. 548 с.

Рылов В.Ю. По ленинскому пути: к вопросу о становлении советской системы принудительного труда // Исторические записки. Воронеж, 2010. Вып. 14. С. 64–103.

Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей / сост. М. Юнге и др. М., 2017. С. 269–368.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1999. 600 с.

Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 17–66.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 71–80.

Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: ВШЭ, 2016. 128 с.

Alexopoulos G. Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power Culture, and the Limits of Legal Order* / ed. by P.H. Solomon, Jr. Armonk. New York, 1997. P. 168–189.

References

Alexopoulos, G. (1997). Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia. In *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power Culture, and the Limits of Legal Order*. New York, pp. 168–189.

Borisova, L.V. (2010). "Prinuditel'naya uskorennyaya samoorganizatsiya rabocheho klassa": diskussiya o printsipakh organizatsii truda v Sovetskoy Rossii v 1920 g. ["Forced Accelerated Self-Organization of the Working Class": Discussion on State Labor Organs in Soviet Russia in 1920]. In *Vestnik RUDN*. No. 3, pp. 41–53.

Davidovich, V.E. (1989). *Sotsial'naya spravedlivost': ideal i printsip deyatel'nosti* [Social Justice: Ideal and Principle of Activity]. Moscow, Politizdat. 255 p.

Edel'man, O. (2016). *Stalin, Koba i Soso. Molodoy Stalin v istoricheskikh istochnikakh* [Stalin, Koba and Soso. Young Stalin in Historical Sources]. Moscow, High School of Economics. 128 p.

Ermolenko, T.F., Morozova, O.M. (2013). *Pogony i budenovki: Grazhdanskaya vojna glazami belykh ofitserov i krasnoarmeytsev* [Shoulder Straps and Budyonovka: Civil War Through the Eyes of White Officers and Red Army Men]. Moscow. 357 p.

Geyfman, A. (1997). *Revolutsionnyy terror v Rossii. 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia. 1894–1917]. Moscow, Kron-Press. 448 p.

Gluhih, I. (1923). Tri vstrechi (Vospominaniya o t. Sverdlove) [Three Meetings (Memories of Comrade Sverdlov)]. In *Bor'ba za vlast'*. Vol. 1: Dni nekonchennoy bor'by. Perm', pp. 104–107.

Hlevnyuk, O.V. (2017). Stalinskiy period sovetskoy istorii. Istoriograficheskie tendentsii i nereshennyye problemy [Stalinist Period of Soviet History. Historiographic Trends and Unresolved Issues]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 71–80.

Il'yuhov, A.A. (2010). *Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid: The Policy of the Soviet Government in the Field of Wages in 1917–1941]. Moscow, ROSSPEN. 415 p.

Kloc, A.R. (2012). *Domashnyaya prisluga kak sotsial'nyy fenomen epokhi stalinizma* [Domestic Servants as a Social Phenomenon of the Stalinist Era], Cand. Hist. Sci. Diss. Abstract. Chelyabinsk. 27 p

Koygeldiev, M.K. (2009). *Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-kh godov* [Stalinism and Repressions in Kazakhstan in the 1920s–1940s]. Almaty. 448 p.

Krasilnikov, S.A., Pystina, L.I., Salamatova, M.S. (Comp.). (2004). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s)]. Novosibirsk, Siberian Chronograph. 456 p.

Kuleshov, S.V., Volobuev, O.V. (1991). *Nashe Otechestvo*. [Our Fatherland]. Vol. II. Moscow, Terra. 620 p.

Mamyachenkov, V.N. (2017). *Politika sovetskogo gosudarstva v sfere trudovykh otnosheniy v 1940-kh – nachale 1950-kh gg.: kak zastavit' lyudey rabotat'?* (na materialakh Sverdlovskoy oblasti) [The Policy of the Soviet State in the Field of Labor Relations in the 1940s – Early 1950s: How to Make People Work? (On the Materials of the Sverdlovsk Region)]. In *Nauchnyy dialog*. Iss. 4, pp. 168–179.

Marks, K., Engel's, F. (1957). Soch. 2-e izd. T. 6 [Compositions]. Vol. 6. Moscow. 762 p.

Mukhachev, B.I. (Ed.). (1989). *Za sovetskiy Dal'niy Vostok. Vladivostok. Vyp. 4: Ocherki i vospominaniya o grazhdanskoy voyne na Dal'nem Vostoke* [For the Soviet Far East. Iss. 4: Essays and Memories of the Civil War in the Far East]. Vladivostok, Far Eastern Book Publishing House. 428 p.

Olek, G.L. (1999). *Krovnye uzy. RKP(b) i CHK/GPU v pervoy polovine 1920-kh gg.: mekhanizm vzaimootnosheniy* [Blood Ties. RCP(b) and the Cheka/GPU in the First Half of the 1920s: The Mechanism of Relations]. Novosibirsk, NGAVT. 138 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [War Communism in Russia: Power and the Masses]. Moscow, Rus. knigoizd. tovarishstvo-Khistry. 270 p.

Posse, V.A. (1929). *Moy zhiznennyi put'. Dorevolutsionnyy period (1864–1917)* [My Life Path. Pre-Revolutionary Period (1864–1917)]. Moscow, Land and factory. 548 p.

Rylov, V.Yu. (2010). *Po leninskomu puti: k voprosu o stanovlenii sovetskoy sistemy prinuditel'nogo truda* [Along the Leninist Path: To the Question of the Formation of the Soviet System of Forced Labor]. In *Istoricheskie zapiski*. Voronezh. Iss. 14, pp. 64–103.

Savin, A., Teplyakov, A. (2017). “Chistka chistil'shchikov” kak instrument distsiplinirovaniya NKVD. Sotrudniki UNKVD po Odesskoy oblasti na skam'e podsudimyykh, 1939–1943 gg. [“Purge of Cleaners” as a Tool for Discipline of the NKVD. Employees of the UNKVD for the Odessa Region in the Dock, 1939–1943]. In *Chekisty na skam'e podsudimyykh*. Moscow, pp. 269–368.

Smirnov, M.B. (Comp.). (1999). *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR 1923–1960. Spravochnik* [The System of Corrective Labor Camps in the USSR 1923–1960. Directory]. Moscow, Zven'ya. 600 p.

Sokolov, A.K. (2008). *Prinuzhdenie k trudu v sovetskoy ekonomike: 1930-e – seredina 1950-kh gg.* [Forced Labor in the Soviet Economy: 1930s–mid-1950s]. In *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda*. Moscow, ROSSPEN, pp. 17–66.

Sokolov, A.K. (2000). *Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov)* [Soviet Policy in the Field of Motivation and Stimulation of Labor (1917 – mid-1930s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Iss. 4. Moscow, pp. 39–80.

Voronskiy, A. (1922). *Literaturnye siluety* [Literary Silhouettes]. In *Krasnaya nov'*. No. 5, pp. 254–275.

Zalkind, A. (1926). *Revolutsiya i molodezh'* [Revolution and Youth]. Moscow, Edition of the Communist. un-ta im. Sverdlov. 140 p.

Zaslavskaya, T.I. (1986). *Chelovecheskiy faktor razvitiya ekonomiki i sotsial'naya spravedlivost'* [The Human Factor in Economic Development and Social Justice]. In *Kommunist*. No. 13, pp. 13–26.

Zemtsov, V.S. (2017). *DVR i volochaevskie dni Vasiliya Blyukhera* [Far Eastern Republic and Volochaev Days of Vasily Blucher]. Moscow, Border. 445 p.

Zhiromskaya, V.B. (1998). *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg. Problemy sotsial'noy struktury* [Soviet City in 1921–1925. Problems of Social Structure]. Moscow, Nauka. 175 p.